

ИНТЕРВЬЮ**Экономическая социология во Франции:
интервью с Филиппом Штайнером**

ШТАЙНЕР Филипп (Steiner, Philippe) — профессор социологии Университета Париж-Сорбонна (Париж, Франция).

E-mail: philippe.steiner@paris-sorbonne.fr

Источник: Economic Sociology in France: Interview with Philippe Steiner. *European Electronic Newsletter «Economic Sociology»*. 2009. 10 (3): 29–33. <http://econsoc.mpifg.de>

Пер. с англ. А. А. Куракин

Науч. ред. В. В. Радаев

Филипп Штайнер в течение многих лет является представителем активно развивающегося экономико-социологического направления во Франции и профессором социологии в Университете Париж-Сорбонна (Париж IV) (Université Paris IV, Sorbonne). Третье издание его книги «Экономическая социология» было опубликовано издательством La Découverte в 2007 г. [Steiner 2007]. В интервью, взятом SASE¹ в связи со своим 21-м ежегодным заседанием в Париже в июле этого года, Штайнер рассказывает о состоянии экономико-социологического направления во Франции и обсуждает свою недавнюю работу о рынке человеческих органов. С ноября 2009 г. Филипп Штайнер вместе с помощниками редактора Сидони Нолен (Sidonie Naulin) (Université Paris-Sorbonne) и Николя Милисе (Nicolas Milicet) (Université Paris-Sorbonne) примет редакцию бюллетеня «Экономическая социология». Мы приветствуем Филиппа и его команду и ждём их проектов для бюллетеня.

— *Что сейчас происходит в области социоэкономики во Франции?*

— Я бы хотел обратить внимание на два момента. Во-первых, во Франции уже достигнуто институциональное признание этой области социологической науки. В качестве иллюстрации можно привести тот факт, что в 2003 г. Национальный центр научных исследований (CNRS)² согласился создать и частично профинансировать сеть учёных — экономистов или социологов, работающих в области экономической социологии. В первые четыре года эта сеть была средоточием активности, организовав серию семинаров в различных областях Франции на самые разные темы (для примера назовём рынок труда, рынок продовольственных товаров, денежные отношения, теорию рынков Харрисона Уайта (Harrison White)). Кроме того, эта сеть проводила ежегодные заседания, в ходе которых опытные исследователи обсуждали промежуточные результаты докторских диссертаций. Это крайне важное дело, так как речь идет об институционализации дисциплины. Особенно важно то, что CNRS в конце концов согласился финансировать эту сеть учёных ещё четыре года, что, по-моему, является хорошим знаком. Это примета того, что дисциплина становится всё более зрелой, что важно помогать активным людям, работающим в данной области, и закрепить прошлые достижения в изучении хозяйства с социологической точки зрения. Я бы ещё добавил, что экономическая социология теперь часто включается в университетские учебные программы и является сейчас одной из трёх дисциплин, которые

¹ Society for the Advancement of Socio-Economics. — *Примеч. перев.*

² Centre National de la Recherche Scientifique. — *Примеч. перев.*

должны интенсивно изучать кандидаты для общенационального конкурса (*agrégation*)³ — очень жёсткого экзамена в образовательной системе Франции.

Второй момент, который можно рассматривать как причину или как следствие первого, состоит в том, что область экономической социологии очень богата интересными исследованиями. Некоторые исследователи, вдохновлённые трудами Марселя Мосса (Marcel Mauss) и Карла Поланьи (Karl Polanyi), фокусируются на отношениях дара в процессе труда в современном обществе (см., например: «La Société Vue du Don» («Общественный взгляд на отношения дара»)) под редакцией Филиппа Шаньяля (Philippe Chanial), ученика Алена Кайе (Alain Caillé) [Chanial 2008], или «Le Dictionnaire de L'Autre Économie» («Словарь иной экономики») под редакцией Жана-Луи Лавиля [Laville, Cattani 2005]). Также есть исследования, в которых хозяйственная деятельность изучается с позиции этнографического подхода: здесь нужно назвать две недавние блестящие PhD-диссертации о менеджменте в больницах (Николя Белоржи (Nicolas Belorgey) из EHESS) и финансовом бизнесе (Горацио Ортис (Horacio Ortiz), также из EHESS⁴). Флоранс Вебер (Florence Weber) тоже придерживается этого подхода, особенно в своём последнем исследовании сферы ухода за пожилыми людьми. Кроме того, она написала обзорную работу для исследователей, интересующихся этнографическим подходом [Dufy, Weber 2007]. Следом за Эвой Кьяпелло (Ève Chiapello) и Люком Болтански (Luc Boltanski), авторами работы «Le Nouvel Esprit du Capitalisme» («Новый дух капитализма») [Boltanski, Chiapello 1999]), и Франком Кочои (Franck Cochoy) [Cochoy 2002] появляется всё возрастающее число исследователей, изучающих управленческий аспект хозяйственной деятельности, включая практики эккаунтинга. С учётом бурного роста в сегодняшней Франции нового государственного управления (*new public management*) это стало важнейшей темой.

— *Какие особенности присущи социоэкономическим исследованиям во Франции?*

— Конечно, французские обществоведы тесно связаны с международной академической и научной средой. Но есть, на мой взгляд, три причины, которые объясняют своеобразие социоэкономических исследований во Франции.

Во-первых, существует сильная связь между неортодоксальной политической экономией и экономической социологией. После Второй мировой войны многие французские экономисты отошли от экономического мейнстрима. Новый французский экономический журнал «Revue Économique», теперь являющийся наиболее значимым в своей области, выдвинул идею о том, что политическая экономия должна быть тесно связана с другими социальными науками, такими как история и социология. Эта идея не была поддержана, и к началу 1970-х гг. порыв угас. Тем не менее существенную роль во французской академической сфере продолжал играть марксизм, что помогало сохранять устойчивую связь между политической экономией и другими социальными науками и привело к появлению второй волны политэкономов, не желающих придерживаться неоклассического подхода, или мейнстрима, в политической экономии, как «неточного и изолированного», говоря словами Даниеля Хаусмана (Daniel Hausman). Как следствие, французская экономическая социология имеет прочные связи с экономистами регулятивной школы (Робер Буайе (Robert Boyer) и его ученики) и приверженцами экономической теории конвенций (Оливье Фавро (Olivier Favereau), Франсуа Эмар-Дюверне (François Eymard-Duvernay) и многие другие), изучающими различные процессы координации. Книга под редакцией Андре Орлеана (André Orléan), учёного-новатора,

³ Общенациональный конкурс, проводящийся в форме экзамена на замещение должности преподавателя лицея или вуза. — *Примеч. перев.*

⁴ Школа высших исследований в области социальных наук (École des Hautes Études en Sciences Sociales). — *Примеч. перев.*

активно работающего в таких областях, как финансы и деньги, и находящегося под сильным влиянием дюркгеймовского подхода, являет собой прекрасный пример связи между французскими «институциональными» экономистами и экономсоциологами [Orléan 2004]. Означает ли это, что особенность французской экономической социологии проистекает из того, что, по словам Марка Грановеттера (Mark Granovetter), она берёт своё начало от экономистов? Нет, это не может быть исчерпывающим объяснением; необходимо учесть ещё одну причину.

Вторая важная причина состоит в сильном влиянии со стороны социологии науки. Вкратце это можно показать на примере Центра социологии инноваций (Centre de Sociologie de L'innovation), созданного в Эколь де Мин (École des Mines)⁵ Люсьеном Карпиком (Lucien Karpik). Он занимался изучением профессий и регулятивных отношений (над этой темой работал Жан-Даниель Рейно (Jean Daniel Reynaud), который был очень заметной фигурой в социологии и экономической теории трудовых отношений). Карпик написал основополагающую главу по рыночной координации, используя своё исследование адвокатской среды [Karpik 1995], и подчёркивал роль неопределённости качества и доверия в хозяйстве. Тем временем Мишель Каллон (Michel Callon) и Брюно Латур (Bruno Latour) соединили подход Мишеля Фуко (Michel Foucault) к наукам и технологии с прагматическим и этнографическим подходами. Это приобрело особое значение почти десять лет спустя, с выходом коллективного труда о перформативности Мишеля Каллона и его учеников, из которых стоит выделить Фабиана Муньезу (Fabian Muniesa). Ученики Брюно Латура, особенно Франк Кочои, также внесли важный вклад в этот подход своими исследованиями маркетинга, продаж и повседневного функционирования современных рынков.

Два указанных направления не изолированы друг от друга. Лучшей иллюстрацией нынешнего положения вещей служит последняя книга Люсьена Карпика «L'Économie des Singularités» («Экономическая теория своеобразий») [Karpik 2007], английский перевод которой вскоре должен увидеть свет [Karpik forthcoming]. В этой книге читатель сталкивается с особым применением двух упомянутых подходов вместе с обширным и мощным синтезом различных социотехнических механизмов (таких как инструкции, хит-парады, сети и т. п.) с процессами координации. Эти элементы делают возможным рыночный обмен, когда возникает неопределённость в отношении качества продукции и для потребителя качество становится более важным, чем цена. Эта книга, как, впрочем, и многие другие исследования, выходит за рамки экономической социологии — на уровень общей, или теоретической, социологии, что я рассматриваю как показатель успешной работы в конкретной социологической области.

Третья причина вырастает из идиосинкразической французской системы образования. Во Франции существует большой разрыв между университетами и так называемыми высшими школами (Grandes écoles), причём последние играют намного более важную роль в воспроизводстве общественной элиты, чем первые. В высших школах, а особенно в трёх Высших нормальных школах (Ecoles normales supérieures) обычным делом для студентов является одновременное изучение как экономической теории, так и социологии, что редко встретишь в университетах. Это означает, что эти школы выпускали и продолжают выпускать способных молодых учёных, для которых экономическая социология является легитимной исследовательской областью.

— *Как у Вас появился интерес к изучению рынка человеческих органов?*

— Во время работы над книгой «L'École Durkheimienne et L'Économie» («Дюркгеймовская школа и изучение хозяйства»), изданной в 2005 г. [Steiner 2005], меня удивило небольшое количество

⁵ Высшая «горная» школа, специализирующаяся на подготовке инженеров. Открыта в Париже в 1816 г. — *Примеч. перев.*

исследований (кроме работы Алена Кайе и Жака Годбу (Jacques Godbout) [Caillé, Godbout 1992]), посвящённых современным дарообменным отношениям. Исследования в этой области проводились либо с общих теоретических позиций, либо охватывали широкий спектр дарообменных практик. В последнем случае, например, прижизненное пожертвование почки рассматривалось точно так же, как и рутинные практики в домохозяйствах, когда, например, муж делает бутерброды, пока жена чинит машину.

Однажды в книжном магазине Лондонской школы экономики (LSE) меня привлекло новое издание известной книги Ричарда Титмуса (Richard Titmuss) «The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy» («Отношение дара: от переливания крови к социальной политике») [Titmuss 1997]. Должен добавить, что эта книга не особенно популярна во Франции, так что не припомню, чтобы слышал о ней раньше. Я был буквально зачарован. И провёл немало времени, перечитывая введение и страницы, посвящённые предложенной Титмусом классификации дарообменного поведения.

Тогда мне стало ясно, что пересадка органов — это важнейший вопрос. Причина этого очевидна: книга Титмуса в корне изменила тему переливания крови, что можно видеть по реакции американской политической системы. В результате исследования Титмуса американские законодатели решили запретить рыночные транзакции с цельной кровью. Однако заявление Титмуса о том, что рыночные отношения должны быть полностью исключены из сферы переливания крови, не увенчалось успехом. Во многих странах цельная кровь не может быть объектом купли-продажи, но составляющие крови — могут. Пример — плазмаферез, в ходе которого из крови выделяются эритроциты. Поэтому я решил выяснить, почему в случае с «твёрдыми» органами (почками, сердцем, лёгкими, печенью и поджелудочной железой) запрет на рыночные транзакции был и остаётся столь строгим и столь широко распространённым (за исключением Ирана, где по закону 1988 г. разрешается покупка почки на регулируемом рынке у живого человека, не являющегося родственником покупателя). В итоге, я полагаю, полезно и даже необходимо выяснить, почему рыночные отношения запрещены в мире, склонном верить, что рынки являются решением чуть ли не любой проблемы, связанной с ограниченностью ресурсов и их обменом между людьми.

— *В скором времени будут опубликованы две Ваши новые книги. Не могли бы Вы рассказать о них?*

— Первая книга, в которой я выступил в роли одного из редакторов совместно с моим другом и коллегой Франсуа Ватеном (François Vatin), социологом из Университета Нантер (Nanterre Université), — это трактат по экономической социологии, он будет издан в сентябре 2009 г. [Steiner, Vatin forthcoming (2009)]. Книга как раз и является результатом работы упомянутой выше сети учёных. Она представляет прошлые достижения почти всех ведущих французских экономсоциологов и их текущую работу на передовой исследовательского фронта. Таким образом, франкоговорящие учёные и студенты, интересующиеся этой темой, найдут новейшие достижения в данной области, по крайней мере в той её части, к которой имеет отношение французское профессиональное сообщество. Я полагаю, что эта книга будет полезна также иностранным учёным и поможет им понять текущее состояние дел во Франции.

Во второй книге речь идёт о трансплантации органов [Steiner forthcoming (2010)]. Задача книги — понять, как эта система работает на самом деле в отсутствие рыночных транзакций. Здесь я бы хотел выделить три пункта. Во-первых, существующая система является результатом проблем, порождённых работой хирургов, действовавших как организационные предприниматели по мере того, как они добивались успеха — сперва в пересадке почек, а затем — печени и лёгких. Однако технических успехов было недостаточно, и в 1980-х годах поступление человеческих органов (*human body parts, HBP*) стало отставать от нужд пациентов и хирургов-трансплантологов. Возникла

необходимость в более масштабных организациях, таких как Объединённый фонд донорских органов (United Network for Organ Sharing) в США, Французское агентство по трансплантации (l'Établissement Français des Greffes) — ныне это Агентство биомедицины (Agence de la Biomédecine) во Франции, Национальная организация по трансплантации (Organización Nacional de Trasplantes) в Испании. Эти организации, получающие, распределяющие и использующие человеческие органы, функционируют благодаря разнообразным наборам правил (например, «правило умершего донора», требующее, чтобы органы брались у пациентов, признанных умершими, когда необходимо посмертное получение этих органов; или сложный набор правил для подбора органов пациентам, стоящим в очереди на трансплантацию). Впрочем, этим организациям также нужны правила, касающиеся финансирования огромных затрат, связанных с трансплантологической хирургией, иммунодепрессантами и постоперационным уходом. Даже являясь даром, пересадка человеческих органов всегда связана с большими затратами, которые сродни тарифам на передачу ресурсов внутри мультидивизиональной фирмы: они должны стимулировать людей улучшать собственную деятельность внутри различных подразделений, покрывать локальные издержки и содействовать стратегическим целям директоров (в нашем случае — увеличению числа трансплантаций). Это означает, что внутри таких организаций тарифы являются социальными конструктами, точно также как социальными конструктами являются и рыночные цены. Во-вторых, в процесс производства человеческих органов вовлечены интересы как минимум трёх сторон: личный интерес донора (живого или умершего), интересы родственников (особенно родных умершего донора) и, наконец, общественный интерес. Последний частично проистекает из того факта — и это крайне важно, — что пересадка почки, являющаяся наиболее распространённым видом трансплантации (ежегодно в мире проводится около 60 тысяч таких операций), гораздо дешевле альтернативной диализной терапии. Эти интересы сторон пересекаются в ситуации наступления смерти: в случае закона о наследстве [Beckert 2008] или рынка страхования жизни [Zelizer 1983]. Однако удивительным является то, что в США и Европе интересы родственников находятся под угрозой, потому что они считаются главным препятствием для получения человеческих органов. Во многих американских штатах были изданы законы, запрещающие членам семьи умершего пациента менять его решение. Во Франции парламентские дебаты по биоэтике привели к усилению закона о презумпции согласия, дабы ослабить позиции родственников. Таким образом, отличие от рыночной координации становится не столь очевидным, а схожие результаты получаются с помощью организационных стимулов, которые, например, сделали столь эффективной испанскую систему. Наконец, давайте рассмотрим дискуссию о создании биорынка для человеческих органов. Рыночная координация была бы ограничена стимулами к получению НВР, в основном почек, и не было бы никакого стихийного рынка, на котором покупатели и продавцы встречаются и ведут торг. Рынок был бы регулируемым, и поэтому, как считают некоторые хирурги и биоэтики (особенно в США), такая рыночная координация не противоречила бы морали. Это основной вопрос, так как на кону стоят границы рыночных трансакций. Перед нами идеальный пример воплощения идеи Поланьи о двойственном движении: одни действуют в пользу распространения рыночных отношений, тогда как другие сопротивляются их вторжению, считая его смертельной угрозой социальной жизни. Я лично полагаю, что нужно отказаться от создания биорынков для человеческих органов. Я называю их «торговлей трансплантатами», которая сродни атлантической работорговле, когда рабство было ещё узаконено. Биорынок позволил бы пациентам из среднего класса богатых стран покупать человеческие органы у бедных людей из неразвитых стран. Говоря словами Алвина Рота (Alvin Roth), такая торговля омерзительна, так как она сделала бы неравенство и бедность медицинским ресурсом для богатых, угрожая республиканскому взгляду на свободу [Roth 2007].

— *Каков Ваш следующий исследовательский проект?*

Я хотел бы рассмотреть позитивные стороны критики политической экономии. Здесь я выделил бы четыре главные фигуры: Огюст Конт, Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс и Пьер Бурдьё. Все они

выступали с жёсткой критикой политической экономии. Это, надеюсь, хорошо известно. Но менее известно то, что их критика была связана с несколькими областями исследований нерыночных трансфертов ресурсов. Конт подчёркивал роль дарообмена и закона о наследстве как примеров альтруистического поведения в индустриальном обществе. Из его последних книг становится ясно, что он считал установление приоритета альтруизма над эгоизмом важнейшей социальной проблемой своего времени [Comte 1851–1854, Comte 1852]. Дюркгейм несомненно оказался под влиянием контовских идей, но, тем не менее, не использовал его постулат как основу собственной исследовательской программы. Он, напротив, всё более отходил от дихотомии альтруизм/эгоизм к дихотомии заинтересованного/незаинтересованного поведения. Это означало, что биология мозга и, более широко, антропологическое измерение контовского подхода были им исключены, чтобы выдвинуть на первый план социологический аспект обоих типов поведения, так как, согласно Дюркгейму, эгоизм и альтруизм являются порождением социальных процессов. Это послужило основой для работ Мосса, особенно для вступления и заключения к его знаменитому очерку о даре, который нужно читать вместе с его «Очерком о природе и функции жертвоприношения», написанным совместно с Анри Юбером [Hubert, Mauss 1981]. В «Очерке о даре» Мосс чётко заявляет, что люди следуют ограниченному набору правил (три известных обязательства: дарить, получать дар и преподносить ответный дар) [Мосс 1996]. Без сомнения, Бурдьё был хорошо знаком с этим очерком и многими другими работами Мосса и Юбера (особенно с «Очерком общей теории магии» (1904) [Hubert, Mauss 1993]). Очевидно, что он также был знаком с важной статьёй Рене Монье (René Maunier), бывшего ученика Мосса, опубликованной в 1927 г., в которой Монье рассматривал дарообменные отношения при заключении брака (*Twassa*) в Кабилии — той самой области Алжира, где Бурдьё проводил собственные этнографические исследования ритуалов и символов, относящихся к постройке жилья и кодексу чести, столь важных при церемониях бракосочетания. В результате в 1970-х годах появилась статья Бурдьё по символическому обмену, о которой я думаю, что это последнее проявление интеллектуального движения, зародившегося как критика политической экономии. Я считаю социологию рынков одним из важнейших направлений в экономической социологии, но было бы неправильно полагать, что всё это направление вращается вокруг изучения рынка: существует множество социальных обменов и трансфертов ресурсов, которые не осуществляются через рынок. В этом смысле я полностью согласен с Харрисоном Уайтом, что рынок является не более чем социальным механизмом (или ареной, по словам того же Уайта) для обеспечения людей ресурсами. В развитии этого подхода и разработке инструментов, которые помогли бы понять, как работают различные социальные образования, центральное значение принадлежит теоретическим исследованиям.

— В ноябре 2009 г. Вы станете редактором бюллетеня «Экономическая социология». Что Вы планируете для следующих номеров этого бюллетеня?

— В целом мы хотели бы продолжить работу предыдущих редакторов бюллетеня, то есть предоставлять информацию о том, что происходит в этой наиболее активно развивающейся области социологических исследований. Следовательно, я и мои помощники приветствуем любое участие. Для ноябрьского выпуска мы планируем отобрать ряд статей по коммерциализации тела, что является животрепещущим вопросом в области трансплантологии и не только. Следующий номер откроет дверь для неевропейской экономико-социологической мысли серией статей бразильских учёных, которые представляют активно развивающееся направление исследований. Вопросы, разрабатываемые бразильскими экономосоциологами, отличаются от тех, что интересуют европейских и американских исследователей. Особенно важны такие темы, как политические аспекты бедности, доступность земли, здравоохранения, образования или денежных ресурсов, а также вопросы устойчивости социально-экономических процессов в сельскохозяйственном секторе. В целом мы полагаем, что очень важно иметь более детальное представление о происходящем в

других странах и на других континентах, и планируем развивать интеллектуальные контакты в этом направлении. Содержание третьего (и последнего) номера пока ещё полностью не определено, но одним из возможных тематических фокусов может стать ряд статей по экономической антропологии и экономической этнографии.

Литература

- Мосс М. 1996. Очерк о даре. В сб.: Мосс М. *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*. М.: Восточная литература РАН; 83–222.
- Beckert J. 2008. *Inherited Wealth*. Princeton: Princeton University Press.
- Boltanski L., Chiapello E. (eds.). 1999. *Le Nouvel Esprit du Capitalisme*. P.: Gallimard.
- Caillé A., Godbout J. 1992. *L'Esprit du Don*. P.: La Découverte.
- Chanial Ph. (ed.). 2008. *La Société Vue du Don. Manuel de Sociologie Anti-Utilitariste Appliquée*. P.: La Découverte.
- Cochoy F. 2002. *Sociologie du Packaging ou L'Ane de Buridan Face au Marché*. P.: Presses Universitaires de France.
- Comte A. 1851–1854. *Système de Politique Positive, ou Traité de Sociologie, Instituant la Religion de l'Humanité*. P.: L. Mathias/Carilian-Goeury & Dalmont.
- Comte A. 1852. *Catéchisme Positiviste*. P.: Chez l'Auteur.
- Dufy C., Weber F. 2007. *L'Ethnographie Économique*. P.: La Découverte.
- Hubert H., Mauss M. 1981. *Sacrifice: Its Nature and Functions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hubert H., Mauss M. 1993. Esquisse d'une Théorie Générale de la Magie. In: Mauss M. *Sociologie et Anthropologie*. P.: Presses Universitaires de France.
- Karpik L. 1995. *Les Avocats. Entre L'Etat, le Public et le Marché. XIIIe — XXe Siècle*. P.: Gallimard.
- Karpik L. 2007. *L'Économie des Singularités*. P.: Gallimard.
- Karpik L. Forthcoming. *The Economics of Singularities*. Princeton: Princeton University Press.
- Laville J-L., Cattani A-D. (eds.). 2005. *Le Dictionnaire de L'Autre Économie*. P.: Gallimard.
- Orléan A. (ed.). 2004. *Analyse Économique des Conventions*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Roth A. 2007. Repugnance as a Constraint on Markets. *Journal of Economic Perspectives*. 21(3): 37–58.
- Steiner P. Forthcoming (2010). *La Transplantation d'Organes: Un Commerce Entre les Êtres Humains*. P.: Gallimard.
- Steiner Ph. 2005. *L'École Durkheimienne et L'Économie: Sociologie, Religion et Connaissance*. Genève: Droz.

Steiner Ph. 2007. *La Sociologie Économique*. P.: La Découverte.

Steiner Ph., Vatin F. (eds.). Forthcoming (2009). *Traité de Sociologie Économique*. P.: Presses Universitaires de France.

Titmuss R. 1997. *The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy*. N. Y.: New Press.

Zelizer V. 1983. *Morals and Markets: The Development of Life Insurance in the United States*. New Brunswick: Transaction Books.